

Костя Спиридонов

Ночи и дни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Костя Спиридонов

Ночи и дни

«Автор»

2018

Спиридонов К.

Ночи и дни / К. Спиридонов — «Автор», 2018

Пятиактовая повесть о трудной молодости. Священные порывы в сторону от добропорядочности, гражданские и похмельные наказания этих порывов, неизбежность возврата к постылому, то есть к себе. А еще много бранных слов. Содержит нецензурную брань.

© Спиридонов К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Костя Спиридонов

Ночи и дни

Часть первая

- Алый или лазоревый?
- ...В смысле цвет? ...лазоревый.

Эту игру я придумал, когда не мог решить: буду я пить сегодня или нет. Всё просто. Подходишь к симпатичной и одинокой девушке в торговом зале и чёзадаешь ей вопрос. Оттенок синего – неизбежная попойка, оттенок красного – пей чай.

Мне попалась хорошая девочка. Такие реагируют коротеньким молчанием, если ты ругнёшься матом. Она покраснела от неожиданности вопроса, улыбнулась. Приятно видеть людей, в корзине у которых только еда.

Я взял четыре по 0,5 пива. Небольшая очередь в кассу для покупателей без тележек. Не желаете пакет, введите пин-код, спасибо за покупку.

Вечер выдался привычно пасмурный для этого северного города. Ничего особенного, просто серая подушка неба, которой душат, игривости ради, человека, страдающего клаустрофобией. Моя любимая погода. Мой путь до дома проходит вдоль канала и шести улочек. По пути: клуб, в котором не был, школа с заброшенным советским красавцем-домом напротив, библиотека, отказавшая в регистрации по причине отсутствия местной регистрации, парк, где хороший вид на облака, магазин, в котором буду покупать водку, и мёртвый голубь у дороги. Это уже собственно не голубь – его расклевали и растаскали, не осталось ничего кроме крыльев. Так и лежат раскрытые крылья на земле.

Мой дом последний жилой на улице, дальше только административные здания. Какие-то верфи или что-то такое. Из окна я вижу портовые краны – те самые большие жуки вверх тормашками. Я люблю всё заброшенное, окраинное. В таких местах обычно тихо, а если там и живут люди, то самые смиренные. В их дворах играют дети, и выпивают вечерами на лавках. Там будто бы и нет движения большого города, ворочающегося, спешащего. Там тишь и ветер загибает веточки.

Я пытался не думать о тебе. Каждый день, перечисляя поставленные задачи на ближайшие пятнадцать часов, я делал оговорку: впрочем, можешь распорядиться своим временем, как тебе заблагорассудится, главное, не думай о ... Но всё впустую. Твоё имя перестало иметь какие-либо ассоциативные связи. Произнося его, я не вспоминаю твой образ, невозможный смех или там смущенную улыбку. Имя – лишь слово с пустым содержанием, ведь подразумеваемое неместимо в слова.

Ты как-то заметила, что мой подъезд будто списан со страниц Достоевского, не хватает только яичной скорлупы на ступенях. Но если подняться на самый верх, к чердачным дверям, можно обнаружить ворону, озадаченную твоим появлением. Это дети затащили в подъезд жалкую птицу с перебитыми крыльями и поломанной лапой. Забава. Эта ворона живет в параднике. Старшие кормят её – дети утратили интерес к животине, не способной ни летать, ни каркать. Она может лишь испуганно бежать, спотыкаясь на одной лапе.

Я снимаю комнату, в которой шконка, чтобы спать, шкаф для книг, лампа, накрытая клетчатой тканью, два холодоса, раздвижное кресло и в общем-то всё. На шкаф я наклеил распечатанного Караваджо. Там Иисус указывает на Матфея, свет проливается на жизнь этих дедаг. Божий перст избирает тебя. На полу валяются листы с попытками написать повесть, дневник (который я завёл по совету Ницше – писать каждый день по новелле в страницу), томик Мандельштама, гранёный стакан, а теперь еще и жигулёвское по акции.

Всё хорошо. Неизбежность завораживает, так что я открываю первую. В комнате конечно присутствуют и другие элементы декора и жизнедеятельности, но разве ты не замечала, что порой облезлый край обоев обретает для твоего внимания больше значения, чем предметы более громоздкие и очевидные. Смысловый центр моей комнаты – это место на полу от постели до лампы. Алтарь жизни.

В комнате тихо, не считая шума холодильника, но это прирученный звук. За окном играет дождь, струйкой на асфальт, почти не дифференцированной, сплошной прямой в твердь, звучит, отбивая ритм. Духовыми раздается из труб водостока иррациональный глухой шум. Он то, усиливаясь, расширяет пространство звука, то, притихая, оставляет тебя в одиночестве. Капельками по жестяным крышам тихонько и редко, еле уловимо разливает непонятую мелодию. Грузные лужи, расплескавшись от автомобиля, поют жирным залившимся голосом, ритмично, в такт всему оркестру. Я допиваю первую – это называется расслабляться.

Жил-был кот. Для удобства повествования назовём его Бедлам. Будучи котёнком он был совершенно диким животным с выпученными глазами. Бежал от стены к стене, затихал, потом прыгал на лампу, погрыз мои наушники, гадил повсюду. А когда подрос, и глаза стали менее безумными, у него появилась новая страсть. Он садился у двери и протяжно мяучил. Я ему говорил: ну куда тебе, Бедлам, тебя же там машина раздавит. А он только мяфчил как сирена. Чем больше он проживал, тем дольше времени проводил у двери. Его тянуло туда, в неизвестность, где его не было. Я думаю, все люди очерчивают границы своей камеры. Вот ты живёшь, открываешь милые сердцу уголки города, ходишь туда утешать себя в печали и тоске. И со временем остальное не привлекает – начинаешь пренебрегать, впоследствии и вовсе не воспринимаешь как место для прогулки. Таким образом, выстраиваешь своё личное пространство, которое, являясь единственно возможной средой обитания, начинает отвратительно смердеть трупом. Я, пожалуй, выпью ещё немного.

Так вот, Бедлам отчаянно просился наружу. И в одну незабвенную ночь я открыл дверь. Он осмотрелся, принялся (стояла торжественная тишина). Кот вышел, а я прикрыл за ним. Утром его нашли у дома с передавленным тазом. Он не переставая мяучил, и страх был в глазах. Умер он уже в клинике.

Выпью ещё одну до упора за смерть, за смерть на свободе, выпью за кота Бедлама.

В окне напротив моего живёт незнакомка. Девушка как девушка, всё время проводит вк, смотрит ютуб и фильмы с кинопоиска. Чего от неё ждать. И в этот трагический момент в окне напротив играла музыка, позволено будет так выразиться. Моя соседка пригласила подруг, и они надругались над торжественностью момента под песни школьных дискотек. Они вопили песни, слова из которых я стесняюсь произносить. Конечно, справа текла река, и ветер играл липами, но напротив было окно, и был шум, и было явное надругательство над моментом. Нельзя стерпеть. Я включил песни Гражданской обороны на всю громкость своих акустических возможностей. Я вопил: некрофилия, некрофилия... Я путал карты и портил чужой праздник. Посреди ночи не было свидетелей этому замысловатому противостоянию. Девушка выглянула из окна в мою сторону – я принял стойку и взирал на неё с непримиримостью, она молча удалилась. Остаток пива я допивал в относительном ощущении победы.

Пьянство – это таинство. Приобщение к периферийной жизни. Бывало, захмелевший или пьяный в дым, я наблюдал, я видел, как путались минуты и часы, а секунды были смехотворны. Единицей измерения времени было увиденное. Всё, что было после, становилось не мной. Будущее (будь оно мыслимо) стиралось, казалось, навсегда. Наступало мгновение вечных очертаний. И была ночь, и я смотрел на ржавый водосток, и кончился алкоголь.

Затем было ожидание, было сомнение, и не было никаких девиц поблизости (те, что пляшут в священные минуты, не в счёт). Но когда трамвай, согретый нас доверчивой листвой, пропал, я вышел на улицу.

Надо ли описывать ночную улицу? Только дети не видели её. Выйдя со двора, я заметил парня лет восемнадцати с открытым и светлым лицом, волосы его кудрявились на концах (Спиридонов называет таких иисусиками). Он шёл слегка подпрыгивающей походкой и нёс в руках что-то. Это был его драгоценный клад, полновесным и единственным владельцем которого он был. Это было радостным обещанием целой жизни и чего-то большего. Это была уверенность и целеполагание. А может быть, это было что-то другое...

Я направился к тому самому магазину. Через окошко решётки у двух разнополых узбеков я спросил что-то про водку. У меня взяли триста рублей и дали Хортицы. Поднявшись по ступеням цокольного магазина, я увидел незнакомца. Паренёк с ясным взглядом пьяных глаз на чистом и неомраченном лице. Ночь должна быть темна, как мне кажется, и она темна и укромна. Мы вошли вдвоём в неё в поисках места, где можно было бы припрятаться и заняться бутылкой. Наше знакомство томило и напрашивалось вылиться в пьяную беседу. Спрятавшись под деревом, я обследовал округу. Задний двор заброшенного кирпичного здания, несколько деревьев и парочка, сидящая на ступенях дома. Наши громкие голоса вскоре смутили их, и они удалились. Или нет. Мы повторно представились и выпили из пластмассовых стаканчиков, которые он купил вместе со сникерсом. Я уже отказался от закуски. Ем я один раз в день только для того, чтобы не терять сознания в автобусах. Птенец мой, мой друг и собутыльник поперхнулся.

Как передать состояние знакомства? Условные слова, сказанные больше для звука собственного голоса, к которому приучаешь собеседника; биографические вехи, чтобы поделиться с ним картинками своей памяти; да ещё прощупывание на тему общих увлечений. Всё это сущая пустота. Знакомство в таких непреднамеренных обстоятельствах располагает к тому, чтобы выложить случайному собутыльнику всю свою печаль, рассказать о том, как мучаешься от пробуждения до момента отключения от давящего дыхания чувства; поделиться ощущением, когда все желанные тобой вещи, события, цели, путешествия, напитки перестают доставлять удовольствие, и ты, как дурак, не понимаешь, зачем тебе вообще чего-то хотеть. Но мой приятель меня опередил.

– А ты чего бухаешь?

– Ну я... от тоски.

– ... (в этом многоточии не умолчание, в нём скорее пустота) У меня повода тоже особо не было. Уже в такое дерьмо угасился, так что не суди строго (парниша улыбнулся, пошатываясь. Ветка нагнулась от ветра и будто погладила его. Это клён. Не люблю клён). Ты не подумай, что я там конченный какой. Я вообще нормальный... парень. Работаю, там, все дела.

– А чем занимаешься?

– Ватой торгую на Московской.

– Ватой?

– Ну да. Вату продаю.

– Здорово... Ну давай тогда по второй.

Я разливаю в стаканы по две трети рукой отчаянной, спешащей. Утопить всё это вместе с клёном и с травой на земле, и со ступенями, и с этим ватным.

– Только, Сега, ты не против, если я половину выпью. А то я уже догнанный. Ты не против, что я тебя Сегой называю? Спорим, тебя никто так не называл.

Мы познакомились холодным сентябрем. На тебе была облегающая блузка и ремень с большой пряжкой. Ты представилась, я представился. Мы начали мутить каким-то неизбежным образом, как-то помимо воли. Ты взяла мою руку в свою, а я тебя поцеловал. Это было на заставе, я провожал тебя на автобус. В этот день мы ходили в музей Есенина, были какие-то самовары, а мы незаметно и в то же время у всех на виду обнимались. То ты упрешься подбородком в моё плечо и смотришь на самовар, то я положу руку к тебе на плечо и гляжу в самовар. После мы пошли гулять и забрались на балкон девятиэтажки. Была осень, ветер дул

под одежду, а я смотрел на дома и железную дорогу, думал, серый город был внизу и вокруг, небо залили свинцом.

– Ты вообще амбициозный человек, Сега?

– Ну, вообще да.

– Это хорошо. Люблю амбициозных. У меня точка есть на Московской. Вот. Ну и когда работаю, бывает мусора подходят, документы, там, требуют. У меня-то всё заебись, но им же надо доебаться. Вот они один раз и говорят: похуй нам на бумаги, ты сегодня пиздуешь дома торговать. Я им на это ничего не отвечаю, а просто делаю звонок куда надо. Знакомства тоже надо иметь. Ну и говорю потом: щас люди приедут, пообщаетесь. И похуй, сижу на месте. Ну и чё, думаешь, я в тот день домой от них съебался?! Хуёв им на ложечке! Потолклись, помялись и сами уехали, а я где стоял, там и остался.

– Заебись. Давай ещё по одной?

– Не, я пропущу.

Я оцениваю бутылку, в ней меньше половины. Неплохо идём. Я наливаю свои две трети и пью как талую воду. Ага. Мы вдруг оказались на ступеньках. Значит парочка та ушла всё-таки. Я начинаю терять нить повествования своего друга, да и местами самого себя. Вроде справа дорога, а машин никаких нет, тихо вокруг и темно всё ещё. Мы сидим, как в коробке, окруженные с трёх сторон стенами домов, а клён помахивает нам силуэтами ветвей, будто посмеивается. Чего это он?

Любовь бывает чувственная, как когда мы бродили по городу и искали места, где можно бы предаться похоти. Чердаки, подъезды, кусты на пляже, туалеты кафешек, ночные скверы, тэцэшки, вписки у знакомых. Мы расширили географию нашей половой жизни. В каком-то смысле мы были путешественники-первооткрыватели, а в каком-то – превращали весь город в наш дом, в большую постель. Я сидел дома, собираясь передёрнуть перед сном. Представлял декорации, ведь декорации важны – они порождают сюжет, а сюжет в сексе – это главное. Мы гуляем вдвоём по городу, на улицах пусто, окна все чёрные, даже узоров на занавесках не разобрать. И слева от нас маленький ход в доме моргает тускло-оранжевым светом. Он зовёт нас спуститься по этой лесенке внутрь. Без слов и держась за руки, мы сворачиваем в эту глубь, опускаемся в подвал. По трубам идёт вода, сыро и пахнет сладкой затхлостью. Я пропускаю тебя вперёд и смотрю, как ты брезгливо наступаешь, выбирая место. Когда выпрямляешь ногу, образуется складочка над коленной чашечкой, грудь выпирает из-под футболки, ты нагибаешься, и пряди твоих волос падают на лицо, ты поправляешь, забирая их за ухо, но от ритмичных толчков они вновь падают, и ты по привычке снова их убираешь.

– Ну ладно, мне пора. Я пойду.

– Хорошо. Я ещё здесь посижу.

Небо медленно начинает синеть. Оно отбрасывает какой-то металлический оттенок на все предметы. Любовь бывает и по-другому, как когда мы были у тебя и смотрели фильмы на ноуте. Выключали свет, и экран был единственным живым местом вокруг, а мы вдвоём находились в небытии, крепко держась друг за друга. Как когда сидели в тц и давали характеристики всем окружающим, отделяясь от прочих, отказываясь от других, оставаясь вдвоём. Как когда проводили ночи за чаем у меня. В квартире был ремонт, и там никто не жил, в стене был пробит новый проход под дверь, мебель была только на кухне, и везде лежала белая пыль. Всю ночь приглушенно играли Cigarettes или Doors, мы пили из единственных кружек и много молчали.

После того, как ушёл мой новый друг Андрей, я немного повтыкал в ступеньки, порыгал и взял в руки бутылку водки. В ней было где-то с треть. Странно. Неужели я больше не пил? Я налил себе порцию и взглянул на стакан. Он колыхался и уходил куда-то на северо-запад. Пожалуй, не стану ему препятствовать и отпущу на волю – решил я. Ну хорошо, говорю я себе, хорошо. А чего хорошего? Ты остался один, тебя бросила девушка или ты её бросил, Андрей куда-то убежал, а теперь и Хортица в тебя не лезет. Чего же хорошего, я спрашиваю? А то,

что и ничего плохого я ни справа, ни слева не наблюдаю. Вот смотри: белые ночи, уже светает, и небо, голубое небушко, наползает на мглу ночи. Разве это не поэтично? Разве эта смена ночи на день не отзывается в твоей душе какими-то вечными темами? Разве ты, замшелый враг человека, не имеешь в себе любви и нежной тяги к этому беззащитно синему цвету? Всё это очень замечательно, но ты закончил ведь уже здесь и что же будешь делать дальше? Да и вышел-то ты из дома только под предлогом что-то купить из еды, может как раз и пора? Взять что поесть и в берлогу, ведь не плохо же? Звучит разумно, но в то же время такими действиями я заглушу порыв и вернусь к прозе жизни, а ночь хоть и близится к концу, но не кончается же ещё. Да и кто ты вообще такой?

Ответа не последовало, да и некогда уже было. Наступило затмение, тьма обступила сознание, и воины ночи в решительной атаке отбросили рассвет за горизонт. В общем, я как-то отключился.

И тут я понял, что передо мной стоит толстая (есть особая градация: пухлая, толстая, жирная) усатая тёлка, а рядом с ней шуплый пацан в квадратных очках. Тёлка что-то вопила мне в лицо, а поц в очках, с выражением усталости во всём себе, спрашивал: чувак, ну нахуя она тебе нужна?! Отвали!

– А где Андрей?

Спрашивал я, хоть теперь и припоминая, что он домой ушёл, но так, по инерции какого-то мне неизвестного разговора.

Потом что-то было, и малый с очками вдарил мне в ухо. Легонько. Но я привык довольствоваться малым и упал на траву.

В моих снах часто что-то ломается. Может быть это моя жизнь? Я еду на электророхле, старой, обшарпанной и жёлтой, а левой рукой веду другую рохлю; она скорее даже не рохля, а какой-то кар из детских аттракционов, она тоже старая и потрёпанная. Я еду по коридору своей общаги. Я въезжаю в перекрёсток движения, въезжаю к лестнице, там множество других каров и телег, они сигналият и торопятся проехать. У меня садится батарейка, или я теряюсь от волнения или споткнулся, но я больше не управляю своими автомобилями. Кто-то в меня въезжает. Я совсем не удивлён. И когда им всем надо домой, на работу, к жене или коту, они ругаются, а я ишу потерянные батарейки. Я ничего не нахожу и ухожу.

Я иду домой, я больше не могу и не хочу исправлять свою машину, я не хочу никуда ехать, меня никто и нигде не ждёт. Я сижу дома, со мной брат и больше никого. Приходит дед, но это не мой дед, это скорее я, только старый. Он садится со мной рядом, он зовёт меня пройтись, он с ухмылкой подумал, что мой брат не мой настоящий брат. Мы едем с ним в метро, и он говорит, что никогда не любил моего отца, что он ему чужой ребёнок, и что его жизнь ему противна, и что она полна печали. Мне жаль его, но я больше не хочу находиться рядом с ним, я выхожу из вагона.

Я иду к месту своей первой работы, к кинотеатру. Может быть там я смогу найти себе место, своё место, может они возьмут меня обратно. Мне нравилось готовить попкорн. На улице ночь и зима, у здания кинотеатра какие-то работы, что-то ремонтируют, везде что-то ремонтируют. Тут люди, они здесь работают, им раздадут еду, у них обед. Я хожу кругом между железных листов, которыми огораживают стройки и ремонтируемые здания, чтобы никто не влез, никто не увидел. Я хожу между куч вспаханной земли. Я не могу подойти, но я хочу к ним, я хочу вместе, хочу есть. Я вижу своего одноклассника Ярика: у него хорошая работа, в отличие от меня, он учился в вузе и закончил, в отличие от меня, он планирует семью, в отличие от меня, он поддерживает человеческие отношения с родителями, в отличие от меня... Но что же он делает здесь? Я подхожу к нему, он смущённо кивает в сторону рабочих и говорит что-то про нищеёбов и неудачников, и что они конченные твари. Снег идёт, тяжёлый редкий снег в свете редких фонарей в петровском сквере падает, а Ярик уходит, и я не иду к тем людям.

– Человек существо отражающее или подражающее. Моё отражение, моё ты, моё истинное я, кто я?

– Сказанное имеет смысл не как самоцель. Всегда задавайся вопросом: чего он хотел достичь этими словами? Слова-орудия.

– Ты можешь отличить хуй от снежинки?

– ... Чего?

– Говорю: живой. Я когда сюда попал, ты валялся и не двигался. Думал, ты подох уже.

Со мной говорил незнакомый мне пацан с охуевшим таким фонарём под глазом, весь нарядный, даже с бабочкой.

– Ты, блядь, трупом здесь лежал, я даже не слышал, чтоб ты дышал... Когда же эти пидарасы выпустят уже?!

Незнакомец с размаху кинул бутылкой в дверь, раздался звонкий металлический звук, в голове с болью что-то потянуло вниз.

– А мы где?

– В вытрезвителе. Ты чё, не помнишь как попал сюда?

Я находился в небольшой комнате, окрашенной белой краской: у длинных стен стояли кровати, третьей была железная дверь с окошком, у четвертой – сортир. Сверху мучительно и во все углы светили лампы.

– ... Не помню.

Хотя я сразу, как явь, представил себе двух мусоров, осматривающих меня и мою сумку, бьющих меня по щекам и спрашивающих: где живешь? как зовут?

– Да мусора привезли. Тут и помнить не надо. Валялся, наверное, где-нибудь под кустом на видном месте, они тебя и прихватили.

– А сам-то ты как?... ну, сюда попал.

– Да хуй знает.. Пили, шумели, заебись, в общем, было. Кто-то, наверно, ментам позвонил, а забрали меня... Бля, ну я и нахуярился больше всех. Знаешь, как охуенно бутылкой витрину бить?

Малый в бабочке повторно запульнул бутылкой в дверь.

– Бля, ну кончай уже... зачем кидаешь?

– Да пусть открывают уже, пидарасы ебанные. Я, бля, до них достучусь, им тут, сукам, нескучно станет. Сказали же к утру выпустят, ну так и хули мне тут сидеть? Надо съябывать из этой дыры.

Красавчик подорвался к двери и начал лупить по ней кулаками и ногами, орал в мутное окошко. Меня начало накрывать похмелье. Я сидел на койке безо всякого желания встать, не хотелось даже поплевать в сортир. Я держал свою голову в руках и пытался сфокусировать взгляд, но он всё время уходил куда-то от меня. В камере и в самом деле оказаться не самое большое удовольствие, даже в такой лечебной. Однообразность стен, минималистичность обстановки, сжатость пространства. Всё это мучило меня не меньше похмелья. Когда был маленький, и зимой выпадал снег, который не таял на завтра, а держался хоть до марта, женщина-дворник собирала его в линию сугробов, очищая дорогу. Получался снежный вал. И мы воевали с помощью рябины и резинового пальца на горлышке. Одни защищали вал, прячась за ним, и обстреливая нас – тех, кто нападал. В обед, когда все разбегались по домам, я выкапывал себе берлогу в этой снежной гряде. Я мечтал использовать её в бою и неожиданно выскочить из ниоткуда, когда настала бы моя очередь оборонять редут. Я выкапывал снег, а потом накрывал дыру куском железа и засыпал снегом, чтобы не заметили. Вершиной маскировки было полить водой с кухни место будущего окопа. Тогда снег затвердевал, и железка не ощущалась из-под льда. Когда проём получился достаточно ёмким, я влез туда и закрылся железкой. Там было темно и в то же время как будто светло. Я лежал там, скорчившись в позе

нерождённого, и не хотел выходить. Дверь открылась, и к нам вошли два бугая. Первый грудью оттолкнул на кровать моего незнакомого соседа, а второй из дверей с вызовом смотрел на меня.

– Чё стучите? Скоро выйдете. Щас пересменка закончится и отпустят.

Не ожидая ответа, ребята как-то задком и в то же время горделиво ушли за дверь, захлопнув её за собой. Пацан пробурчал что-то в их сторону и лёг на койку, отвернувшись от меня. Вскоре он уснул.

Я огляделся справа налево, в башке гудело, сверху гудело. Я сидел и силился собрать себя, но в прошлом я видел провал, и всё, что у меня получалось – это смотреть по сторонам и мучительно сопротивляться боли в голове. Как передать ощущение от пребывания в камере? Это как будто тебя обворовали. У тебя отняли все те игрушки, которыми ты занимал себя всю жизнь. У тебя нет возможности видеть, что ты хочешь, слышать, что хочешь. Ты ограничен тем, что тебе позволено. А свобода и есть стремление вырваться за какие бы ни было рамки. Возможность открывать двери, как говорил Мандельштам.

Я подошел к окошку и стал всматриваться сквозь мутное в пятнах толстое стекло. Там был коридор и койка у стены, как в больницах, всё было светлое, и ходили люди в белых халатах. Их движения были порывисты и как будто решающи. Были и какие-то больные. Больных в больничке сразу подмечаешь – они выглядят как-то прибито и поношенно, будто их принуждают к чему-то, а они едва соглашаются, но без желания, словно кокетничают. В общем, я сделал вывод, что нахожусь в больнице.

Я постучал в дверь громко и настойчиво, но без вызова. Через какое-то время подошли те двое конопатых и открыли дверь. Один вошел, серьёзно и с достоинством посмотрел мне в глаза.

– А попить нельзя чего-нибудь?

Он в секунду осмотрел камеру, достал из-под койки моего соседа бутылку, сунул мне её в грудь и, не произнеся ни слова, вышел, закрыв за собой дверь.

В полторашке была вода. Чудно это у них. Сиди себе, пей воду, трезвей. Очень гуманно. Я сел обратно на свою койку и стал пить. Мой приятель спал самозабвенно, и мне не хотелось его будить, в дверь стучать больше повода не находилось, поэтому я встал отлить. Пока ссал, я сплюнул в унитаз и попал точно себе на конец. Метко.

Чем можно развлечься, когда находишься в таких обстоятельствах и состоянии? Вариантов немного, большую часть из них я уже опробовал, поэтому начал просто сидеть на месте и время от времени попивать водичку. Интересно, а вещи-то мне вернут? Мою сумку, телефон. Паспорта у меня с собой не было, это я помню. Как же они меня будут карать? Неужели поверят тому, что я им отвечал в состоянии синего или будут сейчас допрашивать? А может это какая-нибудь безвозмездная программа «Помоги упавшему»? Может меня сейчас покормят, поглядят по голове и помогут устроить жизнь. Было бы замечательно. Я бы конечно свалил всё на обстоятельства и некачественную водку, пообещал вернуться на пути, более соответствующие моим дарованиям. Мне кажется, я бы делал любой вздор, лишь бы кто-нибудь проявил ко мне интерес. Ой, да брось ты эту хуйню! Знаем мы тебя. Поделал бы, поделал, а потом и съебался куда только бы смог. Ты же всё время бежишь куда-то, убегаешь. То то тебе не так, то это не эдак. Лишь бы на месте не сидеть. Всё боишься, что без тебя где-то происходит что-то, пропустить боишься. Ну так и что же? Это поиск называется. Я же ничего дурного не делаю, всего-то хочу жить, как мне захочется. Свобода и поиск неразрывны. Пока ищешь, хочешь преодолеть. Пока преодолеваешь, хочешь искать чего-бы еще преодолеть. Ага. Вот и сюда ты залез лишь бы только преодолеть, да? Через тернии, но лишь бы куда-нибудь. Мудила. А почему собственно я должен из-за тебя здесь торчать? Тебе лишь бы пострадать. За дело, не за дело – это похуй. В страдании – очищение. А чего очищаться, если ты одной рукой страдание себе сочиняешь, а другой в это же время и пачкаешься. Сейчас вот пьёшь, чтоб выстрадать, что с бабой расстался, а ведь расстался-то из-за того, чтобы пить. Тебе же как раз этого и не

хватало, да? Ну почему же? Я не только... Свобода многогранна, в ней и прекрасное и мерзкое. В противоположностях и красота ведь. Ну да. Красота. А помнишь, что она, красота твоя...

Тут открыли дверь. Вошли две женщины в белых костюмах. Одна с планшетом в руках посмотрела на меня, сидящего на кушетке, и на спящего чувака.

– Ну что, протрезвел? Домой хочешь?

– Конечно хочу.

Сказал я и встал с койки. Я прошел по знакомому уже коридору вправо за милыми женщинами к дверям другой комнаты. Там сидели те ребята вроде не в форме, но соответствующего поведения. Они дали мне листок расписаться. С их помощью я нашёл свою фамилию и оставил росчерк. Выдали мою сумку, телефон. Впоследствии, проведя осмотр, я обнаружил, что не пропало ничего, кроме нескольких отвёрток из сумки. Их было пять, а осталась одна. Но в тот момент плевал я на это. Я взял, что мне дали и, спросив направление, отправился на выход. Снаружи были машины скорой помощи, водители стояли и курили. Я спросил, где нахожусь. Они ответили: на междике, метро в ту сторону. Расчудесно! Вместе со мной вышел ещё какой-то паренёк, потасканный такой, с виду из глубинки. Мы познакомились. Имя его, я не то что забыл, а как будто и не слышал. Мы пошли вместе по улице, светило солнце, и люди ходили вокруг. Я заскочил в пятёрочку, взял нам по пиву и сникерсу. Мой товарищ лупил глаза, он не ожидал такой щедрости. Мы сели на ступеньках стоматологии и в погожее будничное утро с наслаждением давили пиво. Я ощущал радость от того, что нахожусь на свободе, могу пить пиво, смотреть на спешащих прохожих. Мой протезе отхлебывал и рассказывал о преимуществах сожительства с женой.

– Ну нахуя... Нахуя боженька бабу создал? Ребро ебаное!

Я улыбался, смотрел поверх него и был почти счастлив. Зазвонил телефон.

– Ты где?

– Я у метро, опоздаю немного.

– Давай быстрее.

Артур Евгеньевич. За всё время, что работаю, никогда не слышал, чтобы его евреем назвали, но он вечно распространяется, что он не еврей, и что евреи отличнейшие люди. Косые височки, волосы острижены в мелкую щетину, поседевшую будто от мимикрии к серости. Наверно, оштрафует за опоздание. Прикончив остатки, мы добрались до метро. Моему другу до вокзала и за город, мне на Фрунзенскую.

Вагон трясётся, свистит, завывает, потом мужской голос уведомляет об остановке. Я разглядываю пассажиров. Напротив меня сидит девица. Она необычайно красива, подобно большинству девиц. Взгляд её неподвижных глаз устремлён в мои колени, а её руки вроде и красивые, но какие-то хищные и немного мясистые. После флюберовского описания Эммы я всегда обращаю внимание на женские кисти. Градация женской красоты: кисти, ноги, глаза и всё остальное. Её соседка не выделяется, одета скромно, в блёкло-зелёные тона. Она закрыла глаза, пытаюсь уснуть, и я могу без страха её разглядывать. У неё нежные и юные руки, белые, точно мрамор. Они отрываются от остального мира, они существуют отдельно, помимо всего моргающего, сопящего, шатающегося. Они неподвижны, как парменидовское бытие. Я бы смотрел на них вечно, но барышня вышла на Звенигородской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.